

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА: СТОЛЕТИЯ НЕ ХВАТИЛО

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Аннотация. Статья, опирающаяся на изучение массива публикаций исследователей в научных журналах, посвящена степени изученности новой экономической политики в СССР. Выделены наиболее сложные проблемы – качество самоорганизации; взаимодействие секторов экономики нэпа; эффективность контроля «сверху» – действительно вызывавшие большие вопросы у политических деятелей, ученых, специалистов в конце 1920-х годов и историков на протяжении многих десятилетий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существовании своеобразного историографического моста между лучшими историческими трудами советской эпохи и временем исторических исследований первых десятилетий XXI в., главным достижением которых стало выявление масштаба трудностей идеологического, финансового, кадрового характера, возникших в годы нэпа прежде всего в сельском хозяйстве. Историки обоснованно указывают на низкую рентабельность предприятий госсектора.

Дискуссионным в научной литературе остается вопрос о возможности реализации Индустриального проекта на основе экономики нэпа. Вместе с тем изучение комплекса факторов, обусловивших принятие первого пятилетнего плана, свидетельствует о потенциальных возможностях многоукладной экономики 1920-х годов; опровергает тезис об «отсталости» и «обреченности» нэповской цивилизации.

Анализ историографических работ, посвященных нэпу, показывает, что в последние годы в современной научной литературе отмеченный период вновь стал относительно малоизученным научным полем: приостановлены исследования методологии истории большевизма и сталинизма; характерно отсутствие крупных трудов не по проблематике отдельных сторон нэпа, а по «новой экономической политике» как системе в контексте политического, социального и экономического развития советского общества. Статья систематизирует и конкретизирует неизученные и малоизученные проблемы.

Ключевые слова: исторические исследования, историография, исторические научные школы, новая экономическая политика, СССР, многоукладность.

M.A. Feldman

Modern Historiography of the NEP: A Century Was Not Enough

Mikhail Feldman, Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Authord ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Abstract. The article, based on an examination of an array of publications in academic journals, focuses on the extent to which the new economic policy in the USSR has been studied. The author highlights the most difficult aspects of the problem, namely the quality of self-organisation, the interaction of the sectors of the NEP economy, the effectiveness of control “from the top”, which indeed raised many questions among politicians, scholars, and specialists in the late 1920s and among historians for many decades. The analysis suggests that there is a distinctive historiographical bridge between the best historical studies of the Soviet era and those of the first decades of the twenty-first century. The main achievement of the historical research on the problem has been to reveal the scale of the difficulties of an ideological, financial and personnel nature that arose during the years of the NEP, primarily in agriculture. Historians have justifiably pointed out the low profitability of public sector enterprises.

The possibility of implementing an industrial project on the basis of the New Economic Policy remains a controversial issue in the academic literature. At the same time, a study of the combination of factors that led to the adoption of the first five-year plan demonstrates the potential of the multi-layered economy of the 1920s, refuting the thesis of the “backwardness” and “doom” of the NEP. The analysis of historiographical writings on the NEP leads to the conclusion that in recent years this period has reverted to a relatively neglected research area in contemporary academic literature: studies on the historical methodology of Bolshevism and Stalinism have been suspended; characteristic is the absence of major works on the “new economic policy” as a system in the context of the political, social and economic development of Soviet society. The article systematises and elaborates on overlooked and little-studied problems.

Keywords: historical research, historiography, historical academic schools, new economic policy, USSR, diversity.

ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Нэп стал по существу первым в мировой истории опытом смешанной экономики – соединения в условиях мирного времени частного предпринимательства и активного государственного регулирования; формой соединения социалистического эксперимента в политической сфере и сохранения значительной части прежнего уклада в экономике. Сложившееся к середине 1920-х годов сочетание самоорганизации и государственного регулирования создало специфический механизм хозяйствования, имевший как позитивные, так и негативные стороны, позволявший предполагать развитие в различных направлениях.

Проблема качества регулирования многоукладной экономики была и остается важнейшей для всех стран мира, в том числе и для современной России.

В перестроечный и постперестроечный периоды монографии и статьи выдающихся представителей советской исторической науки – В.П. Данилова, В.П. Дмитриенко, исследователей с самостоятельным мышлением, их многочисленных учеников и сподвижников, единомышленников – стали своеобразным историографическим мостом между лучшими историческими трудами советской эпохи и временем исторических исследований первых десятилетий XXI в.¹

По мысли Е.В. Богомоловой, механизм хозяйствования нэпа развивался под воздействием самоорганизации рыночных отношений, взаимодействия частного и государственного секторов экономики под контролем со стороны государственных и партийных органов².

Качество самоорганизации, взаимодействие секторов экономики нэпа, эффективность контроля «сверху» действительно вызвали большие вопросы у политических деятелей, ученых, специалистов, но положение не было предельно критическим. Очевидным прорывом из области мифологии в сферу научных представлений о реальной жизни 1920-х годов, подлинных стремлениях и запросах советских людей, степени реализации

¹ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. М., 2011; Дмитриенко В.П. Четыре измерения нэпа // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 27–41.

² Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 1920-е годы: опыт регулирования и самоорганизация. М., 1993. С. 8, 10, 150.

правительственных решений в годы нэпа, соотношении рыночных отношений и административных инструментов управления стали опубликованные в 1990-х годах монографии Е.А. Осокиной³.

Многогранный внутренний мир самых различных социальных и профессиональных групп советского населения, включая управленческие слои, формирование «социалистических» поведенческих норм и подлинных жизненных правил граждан были представлены в книгах Н.Б. Лебиной⁴.

Смерть «классиков» нэповской тематики – В.П. Дмитриенко (1997 г.) и В.П. Данилова (2004 г.) – без сомнения, ослабила фронт научных изысканий российских историков. Кроме того, усилилось давление на научное сообщество ряда представителей властных структур и связанных с ними олигархических группировок, формирующих собственное видение общественного развития.

Наряду с этим как проявление психологического шока от распада СССР и обнищания части населения в 1990-е годы стало возможным возрождение и широкое распространение сталинских оценок нэпа⁵. Обществу, не сумевшему дать системную и, что немаловажно, признанную официально научную, моральную и правовую оценку Сталину и сталинизму (целенаправленной политике правящей партии и государства), приходится вновь и вновь «наступать на одни и те же грабли», воспринимая мифологизмы и ложные истины прошлого.

Историкам уже приходилось говорить о «научности» публикаций Ю.Н. Жукова⁶, он не случайно обратился к периоду нэпа. В последние годы в современной научной литературе период нэпа вновь стал относительно малоизученным временем: приостановлены исследования методологии истории большевизма и сталинизма; характерно отсутствие крупных трудов не по проблематике отдельных сторон нэпа, а по «новой экономической политике» как системе в контексте политического, социального и экономического развития советского общества.

К разряду неисследованных или малоизученных проблем нэпа следует отнести: феномен назначенчества (назначенцы растворялись в местных элитах или противостояли им?); реальная роль региональных элит в годы первых пятилеток; механизм взаимоотношений ЦК ВКП(б) и СНК СССР во второй половине 1920-х годов; степень влияния экономической науки в годы нэпа на политическую и хозяйственную элиту, на разработку первого пятилетнего плана; эволюция знаний, компетенций, управленческого поведения руководителей главков и трестов, представителей директорского корпуса; история работы пяти съездов работников госпланов; феномен работы съездов Советов; анализ финансовых возможностей нэпа, включая внешние кредиты; степень эволюции взглядов на нэп высшего советского руководства; степень эволюции взглядов на нэп региональных лидеров.

Установление в 1920-х годах авторитарных режимов в Польше, Литве, Венгрии, ряде других стран позволяет рассматривать общие закономерности и отличия регулирования многоукладной экономики в качестве вариантов развития европейских держав.

Как определенный противовес распространению взглядов, далеких от изучения всего комплекса исторических источников периода нэпа, следует рассматривать выход пятитомного сборника документов «Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.»⁷. Нельзя не отметить определяющую роль В.П. Данилова в появлении

³ Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; *Ее же*. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М., 1997.

⁴ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-е – 1930-е гг. СПб., 1999; *Ее же*. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

⁵ Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 гг. М., 2014.

⁶ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

⁷ Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000.

выполненных на высоком уровне предисловий к каждому тому, написанных В.П. Даниловым, А.Ю. Ватлиным и О.В. Хлевнюком. На сегодняшний день они представляют самый глубокий анализ событий острой политической полемики на пленумах ЦК ВКП(б).

Аналогичную роль играют публикации в ежегодниках «Экономическая история», выходящих под редакцией Л.И. Бородкина. Большинство статей, посвященных нэпу, – это обстоятельные исследования конкретных проблем 1921–1928 гг. В качестве примера можно привести статьи Г.А. Черемисинова «Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29 гг.)»⁸ и Н.Л. Рогалиной «Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации»⁹.

Черемисинов обращает внимание на аккумуляцию денежных средств в руках государства в 1926–1929 гг.: количество казначейской валюты в обращении выросло в 2,3 раза, сумма вкладов в сберегательных кассах увеличилась в 5,3 раза. Удвоился и сбор налогов¹⁰. Накопление денежных средств в государственном бюджете (даже за счет активной эмиссии) свидетельствовало о сосредоточении в казне масштабных средств для финансирования капитального строительства.

Рогалина разделяет мнение, что «более медленный темп развития тяжелой индустрии сделал бы жизненные стандарты выше, а правильные цены, умеренные темпы и уровень производства при индивидуальной инициативе явились бы достаточными основаниями для эффективности советской экономики»¹¹. Как видно, беспристрастно показывая характер преград на пути модернизации на основе нэповского потенциала, авторы публикаций в «Экономической истории» не считают их непреодолимыми и представляют объективные доказательства в поддержку своей точки зрения.

Разработанная историками-экономистами Л.И. Бородкиным и М.А. Свищевым ретропрогнозная модель развития социальной структуры советского крестьянства показала, что при сохранении нэпа в 1924–1940 гг. посевы возросли бы примерно на 64–70%, а поголовье скота – на 41–50%¹².

Принципиально иной взгляд представлен в публикациях большинства авторов сборника «Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты»¹³. Показателен пример статьи Ю.П. Бокарева, где указывается на нерентабельность хлебного экспорта СССР в 1927–1928 гг., на жесткую конкуренцию на мировом рынке с американским зерном¹⁴. Однако советский зерновой экспорт по стоимости, как известно, заметно уступал вывозимым из СССР лесу и нефти, не испытывавших до мирового кризиса затруднений со сбытом. Бокарев подчеркивает: немалой нагрузкой на госбюджет ложились субсидии для тяжелой промышленности. Все это, а также ряд других факторов, приводит автора к выводу: в 1920-х годах Россия не могла извлечь значительных выгод из рыночного хозяйства, что и привело к утверждению планово-административных методов регулирования хозяйственной деятельности.

С Ю.П. Бокаревым солидарен А.С. Сенявский: указав на действительно опасную тенденцию в сельском хозяйстве – натурализацию крестьянских хозяйств, – автор делает категорический вывод о варианте сохранения нэпа: «Был вариант стагнации, которая

⁸ Черемисинов Г.А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27 – 1928/29 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 323–365.

⁹ Рогалина Н.Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Там же. С. 366–384.

¹⁰ Черемисинов Г.А. Указ. соч. С. 349.

¹¹ Рогалина Н.Л. Указ. соч. С. 380.

¹² Бородкин Л.И., Свищев М.А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 348–365.

¹³ Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.

¹⁴ Бокарев Ю.П. Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // Там же. С. 126–133.

неизбежно в не столь уж удаленной перспективе вела к социально-экономической и политической катастрофе»¹⁵. Почему развитие хозрасчетных и кооперативных начал во всех областях экономики не могло обеспечить «значительных выгод от рыночного хозяйства»? — вопрос остается за пределами публикации. Также как вариант рационального использования немалых средств от продажи нефти, леса и лесоматериалов, значительных сумм, полученных от займов у населения, продажи облигаций, налогов.

Можно задать и такой вопрос: почему столь сложные проблемы, как восстановление народного хозяйства России в начале 1920-х годов и налаживание тогда же торговых отношений с капиталистическими странами не считались непреодолимыми, а индустриализация на основе многоукладной экономики заведомо относились к тупиковому варианту?

Между тем, по мысли В.П. Данилова (посмертная публикация в этом же сборнике), именно «кооперация становится важнейшим фактором новой экономической политики, обеспечивающим решение социально-экономических проблем»¹⁶. Слова старейшего исследователя нэпа, что «историческая наука только приближается к по-настоящему системному взгляду на нэп, согласно которому необходимо использование всего комплекса ракурсов рассмотрения этого явления изнутри и извне, в комплексе всех сфер общественной жизни с использованием современных методологических подходов»¹⁷, звучат как предостережение от скороспелых заключений, от выводов вроде «мы знаем нэп вдоль и поперек». Если замечание Данилова об отсутствии системного подхода во многих публикациях по истории нэпа является методической подсказкой последователям выдающегося историка, то требование рассмотрения нэпа как «исторического явления в широком контексте внутреннего и международного развития, причем не только 1920-х годов»¹⁸, предстает в качестве методологической позиции. Остается только сожалеть, что слова о признании заслуг выдающегося историка, классика нэповской темы, зачастую соседствуют с забвением его выводов.

Замечу, что констатация неизбежного раздвоения курса нэпа по социальным вопросам политики и экономики, связанная с глубиной и масштабом противоречий, возникающих на границе нэпа и на базе нэпа, приводила В.П. Дмитриенко к заключению о наличии порогов развития нэпа, но не неизбежности его свертывания¹⁹.

После октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1924 г., указывал Ю.М. Голанд, в течение нескольких месяцев был принят целый комплекс мер, призванных углубить нэп. В экономической сфере были облегчены условия развития частной торговли, улучшено снабжение сырьем кустарей и ремесленников, им предоставлялись налоговые льготы. Был взят курс на становление фондового рынка, основанного на полной добровольности и реальной выгоде, который характеризовался как нэп в госкредите²⁰.

Это же мнение разделяет и Л.Н. Суворова, автор наиболее обстоятельного историографического обзора нэповской многоукладной экономики, подчеркивающая, что ситуация середины 1920-х годов была благоприятной для развития промышленности. Рыночные отношения государственной промышленности с другими укладами в это время постепенно развивались, расширялась их сфера, вовлекая в свой оборот все новые районы и новые слои населения. Однако действия трестов на товарных рынках все более ограничивались административными регулирующими органами²¹.

¹⁵ *Сенявский А.С.* Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // Там же. С. 20.

¹⁶ *Данилов В.П.* К вопросу о понимании нэпа // Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Дмитриенко В.П.* Четыре измерения нэпа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 39.

²⁰ *Голанд Ю.М.* Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 112, 115.

²¹ *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 126–127.

Нэп представлял собой первый широкомасштабный опыт государственного регулирования рыночных отношений и формирования смешанной экономики. То, что большевики не увидели и не использовали этот исторический шанс, не сделали рынок и экономические методы регулирования легальными инструментами своей политики, лишь свидетельствует об их политической близорукости, их стратегическом просчете, отмечает Л.Н. Суворова, хотя часто их действия и оправдываются реальными потребностями исторической эпохи²².

СОВРЕМЕННОКИ О СУДЬБЕ НЭПА

В 1926–1929 гг. коллектив Госплана подготовил вариант первого пятилетнего плана²³, позволяющий решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации на основе сохранения многоукладной экономики; избежать потери миллионов людей, инвентаря, лошадей, крупного рогатого скота; голода и хронического недоедания; широкомасштабного выпуска бракованной продукции и многого другого, что принесли коллективизация и форсированная индустриализация. Избежать человеческого горя и озлобления, потери стимулов к труду – всего того, что трудно измерить деньгами, но что имеет твердую историческую цену. Этот вариант пятилетнего плана нацеливал на взаимодействие плана и рынка, на их взаимодополняющее проявление; опровергал «невозможность спланировать развитие многоукладной экономики» из-за «теоретико-идеологического прессинга большевиков». Даже в заметно деформированном виде утвержденный в мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов СССР документ представлял вариант модернизации в рамках нэповской экономики.

Безусловно, вне внимания разработчиков первого пятилетнего плана остался стержневой вопрос многоукладной экономики – о конкретных формах взаимодействия государственного и негосударственного секторов, впрочем, нерешенный и в наши дни – 100 лет спустя. Очевидна и его актуальность сегодня: гибкость управленческой модели, взаимодействие государственного и негосударственного секторов экономики – самая острая проблема современной России.

Замечу, что у советских ученых и работников Госплана и в 1928 г., и весной 1929 г. не было сомнений по поводу возможности потенциала экономики нэпа осуществить задачи индустриального проекта. Сторонниками сохранения многоукладной экономики выступали практически все ведущие экономисты страны²⁴. Основные положения этого курса сохранились и в первом пятилетнем плане, одобренном XVI Всесоюзной партийной конференцией (апрель 1929 г.) и V Всесоюзным съездом Советов.

Оптимистические оценки нэповской экономики прозвучали в выступлениях видного западного ученого М. Кейнса в ходе его визита в СССР в сентябре 1925 г. В то же время утверждение командно-административной системы управления экономикой вызвало резкое осуждение Кейнса: для исследователя отказ от курса нэпа понимался и как отказ от практики государственного регулирования с помощью экономико-математических моделей, разработанных советскими теоретиками²⁵.

Показательно, что кризисное состояние советской экономики в 1930–1932 гг. заставило новое руководство Госплана переосмыслить подходы к планированию вообще и к формированию второго пятилетнего плана. В определенной степени это означало возвращение к варианту Госплана весны 1929 г.²⁶

²² Там же. С. 8–9.

²³ Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на V съезде госпланов. М., 1929.

²⁴ Ясный Н.М. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. С. 28.

²⁵ Гловели Г.Д. История экономических учений. М., 2011. С. 527, 537, 575.

²⁶ Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 102–103.

В.П. Данилов отмечал не только альтернативность путей дальнейшего развития в 1920-е годы, но и глубину различий в представлениях лидеров властных органов Советской России о сущности переходного периода²⁷. Не случайно хроника борьбы двух течений в ЦК ВКП(б) на четырех пленумах ЦК в апреле 1928 – апреле 1929 г. – это история борьбы за голоса региональных элит.

Победа сторонников нэпа на пленумах ЦК в апреле и июле 1928 г. над противниками нэпа, ничейный результат в ноябре 1928 г. и поражение команды главы советского правительства А.И. Рыкова в апреле 1929 г. не отменяли, во-первых, веса региональных лидеров, как правило, длительный период (зачастую с 1929 по 1936 г.) возглавляющих административно-территориальные образования²⁸, во-вторых, и после апреля 1929 г. региональные лидеры, как и работники наркоматов, продолжали оценивать события, отталкиваясь не только от установок Политбюро, но и от реальностей пятилеток²⁹.

Приведем два необычных доказательства в поддержку жизнеспособности варианта пятилетнего плана, утвержденного в мае 1929 г. Выступая на январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), Сталин оперировал цифрами варианта пятилетнего плана, принятого в апреле–мае 1929 г. (т.е. варианта «правых», осужденного за «сознательно заниженные показатели»), а не принятого под его (генсека) давлением варианта 1930 г.³⁰

Следует заметить, Сталин только повторил «маневр» Молотова годом ранее на XVII Всесоюзной партийной конференции. Выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. 57%, а в 1931 г. – 80%³¹. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. де-факто снял обвинение с «правых» в замедлении темпов развития экономики, воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана как последний рубеж политического реализма.

Замечу, что трудно найти более четкие слова в защиту нэпа, чем в выступлении Молотова на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. Выступая 3 февраля 1931 г., председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов³² построил свою речь на основе проблематики, занявшей центральное место в работе конференции и в докладе Орджоникидзе, – проблеме хозрасчета. Историческая справка о хозрасчете, данная главой правительства, могла поставить в тупик любого «твердокаменного» большевика. *«Новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии»* (выделено мною. – М.Ф.). Развертывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого товарооборота, – подчеркнул Молотов. – Осуществление задач социалистической индустриализации проводилось рычагом хозрасчета. Успехи большевистского проведения принципа хозрасчета доказаны за десять лет нэпа (!) с достаточной убедительностью. С самого начала нэпа принцип хозрасчета был положен в основу работы госпредприятий. Иначе нельзя было бы говорить о прибылях и убытках госпредприятий, нельзя было говорить о себестоимости продукции»³³.

Впервые за два года (с весны 1929 г.) в устах верного сторонника Сталина прозвучала положительная оценка нэпа вообще, товарно-денежных отношений в частности.

²⁷ Данилов В.П. К вопросу о понимании нэпа. С. 27–28.

²⁸ Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные лидеры в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–52.

²⁹ См.: Фельдман М.А. Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП(б): мифологическое и реальное спустя 90 лет // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 139–163.

³⁰ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 200.

³¹ XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М., 1932. С. 127.

³² Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стенографический отчет. С 30 января по 5 февраля 1931. М., 1931. С. 163–175.

³³ Там же. С. 168.

Реализация первого пятилетнего плана не противопоставлялась индустриализации в годы нэпа, а органично вытекала из нее, составляя единое десятилетие.

Для «непонятливых» Молотов уточнил: «Сейчас, когда мы вступили в период социализма, принцип хозрасчета не только не отпадает, но напротив, хозрасчет должен проводиться более последовательно, чем это мы сейчас имеем. Партия требует проведения принципа хозрасчета во всей работе промышленности, и это целиком отвечает теперешней, хотя уже и последней стадии нэпа»³⁴. Из этого следует, что последняя стадия нэпа не противоречила, по крайней мере не противостояла, «вступлению в период социализма». Примечательно и замечание Молотова о препятствиях на пути внедрения хозрасчетных отношений – стержневой линии нэпа – «введение хозрасчета натолкнулось на огромное сопротивление в нашем хозяйственном аппарате и внизу, и вверху. Главкизм оказался настолько живучим, что решение партии до сих пор не проведено в жизнь»³⁵.

Вывод Молотова, что «без осуществления хозрасчета на практике, от завода до хозяйственного объединения включительно, без того, чтобы на деле заставить считать рубли и копейки по каждой хозяйственной статье, нельзя навести нужного порядка в промышленности и по всей хозяйственной работе»³⁶, полностью соответствовал предшествующему ходу обсуждения проблем экономики на конференции.

Казалось бы, мобилизационная модель власти и социально-экономического устройства, утвердившаяся в СССР в 1930-е годы, отторгла нэп. Однако левацкий поворот 1930 г. («Великий перелом») быстро продемонстрировал свою несостоятельность. Январский (1933 г.) Пленум ЦК ВКП(б) показал, что целый комплекс внутренних и внешнеполитических причин (хаос экономических связей, финансовый кризис и рост внешней задолженности) не позволял далее, как выразился Сталин на Пленуме ЦК партии в январе 1933 г., «подхлестывать и подгонять страну». По существу это был отказ, тихое и официально не признанное отрицание (в ряде пунктов даже осуждение) курса «Великого перелома»³⁷.

Итоги пятилетки были столь далеки от индикаторов, запланированных по инициативе главы партии, что у Сталина были все основания беспокоиться за свою судьбу в преддверии январского (1933 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

Если для части руководства СССР стабилизация в экономике объективно означала ограничение рамок мифологического пространства, то для Сталина и его наиболее догматичных сторонников курс «миниреформ» («неонэпа») с несколькими важными чертами, отсутствующими в «командно-административной» модели (товарно-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли)³⁸, грозил потерей абсолютного господства в партии, в обществе и в государстве. Это объяснялось тем, что даже при сохранении командно-административной системы (с определенными необходимыми рыночными и квазирынчными особенностями) нарушалось мифологическое пространство «чистого» социализма; рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денежных отношений, экономической самостоятельности производителей.

Немалая часть управленцев промышленных наркоматов, «красных директоров» отчетливо (или смутно) понимала, что в советской «плановой экономике», в идеале предполагавшей распределение ресурсов и установление кооперативных связей между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирынчные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные товарно-денежные отношения. Разрушенная нэповская экономика трансформировалась во фрагменты нелегального или полуполюгального рыночного

³⁴ Там же. С. 169.

³⁵ Там же. С. 170.

³⁶ Там же. С. 166.

³⁷ Хлевнюк О. В. Хозяин... С. 177.

³⁸ Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996. P. XV.

пространства. С начала 1930-х годов командная экономика начала сливаться с «теневой»³⁹ — это только частный случай, сегмент широчайшего пространства действия неформальной рыночной экономики.

Легализации рыночных связей между предприятиями (как и во времена нэпа) требовала хозяйственная элита СССР, например на всесоюзных совещаниях 1931–1936 гг.⁴⁰ Не мифические заговоры, не происки зарубежных разведок, не борьба фракций в партийно-государственном руководстве (как это было в конце 1920-х годов) послужили основой репрессий 1937 г. Реалистический курс в экономической сфере в упор столкнулся с волюнтаристским; обсуждение насущных проблем было приравнено к государственной измене и покушению на авторитет «друга, вождя и учителя».

СТОЛЕТИЕ НАЧАЛА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: КАКОВЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ?

В 2021 г. — 100 лет с начала нэпа, что предполагает подведение определенных итогов. За истекший век в СССР и постсоветской России сложилось целое направление исследований — «нэповедение», которое стало важной частью исторической науки⁴¹. Исследователь М.Ю. Мухин в своей статье отметил, что переход к нэпу имел ключевое значение для сохранения советской, а значит, и российской государственности⁴². Такой тезис не вызывает сомнения: нэп стал удачной формой соединения социалистического эксперимента в политической сфере и сохранения значительной части прежнего уклада в экономике. Однако автор уходит от вопроса о степени эффективности новой экономической политики, оговариваясь, что история нэпа изучена еще далеко не полностью: «исследований истории мобилизационной подготовки промышленности, транспорта и сельского хозяйства в период нэпа до сих пор крайне мало»⁴³.

В критическом отклике В.В. Кондрашина на статью М.Ю. Мухина обоснованно отмечается: автор проигнорировал аграрно-крестьянский аспект проблемы, а также сборник документов «Как ломали нэп»⁴⁴.

Преждевременным представляется и вывод Мухина, что в постсоветский период к изучению нэпа начинают относиться с позиции «беспристрастного академического знания» и произошла деидеологизация «нэповедения»⁴⁵. Наш анализ большого ряда публикаций, материалов круглых столов по проблемам 1920-х годов подводит к иному выводу: традиция советской эпохи — «рассмотрение нэпа как временного вынужденного отступления к государственному капитализму, которое потребовалось из тактических соображений»⁴⁶, — сохраняет свою силу над умами современных историков.

Показательна в этом плане мысль В.М. Рынкова, участника круглого стола, проведенного в рамках Всероссийской научной конференции в Новосибирске в 2021 г., что на современном историографическом этапе происходит «явная деконструкция сложившихся представлений о новой экономической политике. Она сегодня представляется гораздо более многоликой и разнообразной. Становится очевидно, что сложившиеся в предыдущие

³⁹ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 314.

⁴⁰ См., например: Совещание руководящих работников тяжелой промышленности 20–22 сентября 1934 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1935; Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. М., 1936.

⁴¹ Мухин М.Ю. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 13.

⁴⁴ Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 180–184.

⁴⁵ Мухин М.Ю. Указ. соч. С. 7.

⁴⁶ Там же. С. 5.

десятилетия представления о нэпе основаны на опыте его осуществления в столице. Возможно, реальный нэп является равнодействующей той экономической политики, которая по-разному проводилась в отдельных регионах и в различных отраслях экономики»⁴⁷.

Вопрос в том, в каком направлении пойдет «деконструкция»?

Выскажу мнение, что влияние оценок прошлого сказалось и на интервью Г.И. Ханина. Видный исследователь советской экономики подчеркивает: «Уровень жизни населения значительно вырос в этот период (нэпа), как и уровень образования и здравоохранения», а большинство жителей СССР «более или менее освоилось в новом режиме»⁴⁸. По мысли Ханина, поскольку «реальная рентабельность промышленности и транспорта к концу периода (нэпа) была близкой к нулю», это ограничивало ресурсы для обновления основных фондов. Ограниченность ресурсов — без сомнения, серьезный фактор, но, как показывает советская история, вряд ли непреодолимый. Кроме того, необходимо уточнить: речь идет о, как правило, нерентабельных предприятиях тяжелой индустрии или рентабельных фабриках легкой промышленности. Между тем заключение Ханина весьма категорично: «Размер выбытия основных фондов приближался к их вводу. Не было средств и для перевооружения армии. Фактически страна жила не по средствам. Это означало, что к концу 1920-х годов нэп себя исчерпал»⁴⁹.

К такому же выводу приходит и В.И. Клисторин. На вопрос: могла ли политика нэпа продолжаться за пределами 1920-х годов? — он однозначно отвечает — «Вряд ли. Вне зависимости от персоналий в руководстве партии и страны, всех вождей объединяло стремление к личной власти и мировой революции, а различия состояли не столько в стремлении к компромиссам, сколько в тактических союзах и лозунгах для достижения этой цели»⁵⁰. Наряду с этим вопрос о ценах — стержень государственной экономической политики — рассматривается Клисториным как трудноразрешимый⁵¹.

Большой интерес представляют материалы Всероссийской научной конференции «Российские экономические реформы в региональном измерении», состоявшейся в сентябре 2021 г. в Новосибирске⁵². Поскольку конференция была посвящена 100-летию начала нэпа, особое внимание ее участниками уделялось научному осмыслению общих закономерностей и особенностей реализации новой экономической политики. Конференцию завершило заседание круглого стола «Нэп — итоги и перспективы изучения», собравшее видных исследователей 1920-х годов.

По мнению Рынкова, основная часть лиц, относимых властями к нэпманам, имела весьма скромный достаток, многие едва сводили концы с концами, это были низы средней страты. Была лишь тончайшая прослойка относительно крупных предпринимателей в больших городах. Остальные — это мелкие собственники и даже не предприниматели, а кустари, торговцы на рынке и другие городские обыватели, которых, тем не менее, официально относили к нэпманам⁵³. Как подчеркивают современные исследователи нэповской экономики, эта социальная группа не представляла угрозу Советскому государству, а вот ее значение в обеспечении рынка товарами и продуктами было весьма велико⁵⁴.

⁴⁷ Круглый стол «Нэп — итоги и перспективы» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 4. С. 7.

⁴⁸ Клисторин В.И. К столетию Новой экономической политики. Интервью с Г.И. Ханиным // ЭКО. 2021. Т. 51. № 3. С. 83–84.

⁴⁹ Там же. С. 84.

⁵⁰ Клисторин В.И. Институциональные преобразования в период новой экономической политики // ЭКО. 2021. Т. 51. № 4. С. 35.

⁵¹ Там же. С. 37.

⁵² Круглый стол «Нэп — итоги и перспективы». С. 5–17.

⁵³ Там же. С. 6.

⁵⁴ См., например: Демчик Е.В. Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в. Барнаул, 2005; Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018.

По заявлению другого участника этого круглого стола, В.В. Кондрашина, разговор о потенциале нэпа следует начинать с исследования потенциала передовых крестьянских хозяйств. Между тем этот потенциал ни на союзном, ни на региональном уровнях не изучен в должной мере. Необходимо изучение альтернативного варианта: как бы развивались крестьянские хозяйства, если бы становилось больше передовых хозяйств?⁵⁵

Далеким от пессимистической оценки потенциала нэпа стало выступление на круглом столе Л.И. Бородин, заявившего, что утверждения, что нэповская деревня в конце 1920-х годов шла к социальной войне, не получили подтверждения в разработанной модели альтернативного развития. Более того, сохранение в течение нескольких лет условий хозяйственной деятельности, характерных для второй половины 1920-х годов, «не привело бы к существенному расслоению деревни, напротив, увеличивалась бы доля середняков за счет уменьшения доли бедняцких дворов при незначительном росте зажиточной группы». В то же время свидетельством устойчивости нэповской экономики можно считать тот факт, что многие стройки предприятий-гигантов были начаты, а частично и завершены, именно в годы нэпа. Все это свидетельствует об одном: «выбор вариантов развития на “великом переломе” существовал»⁵⁶.

По сути, эту позицию поддержал другой выступавший, А.П. Килин, отметивший, что кризисы нэпа были вызваны искусственно и спровоцированы попытками насильственно внедрить элементы централизованного планирования в многоукладное хозяйство страны⁵⁷.

Нэп стал временем реформы административно-территориального деления в СССР в 1923–1930 гг., а десятилетний период существования Уральской области (декабрь 1923 – январь 1934 г.) – периодом эксперимента по модернизации экономики в формате планомерного пространственного размещения промышленности. Как отметил еще один участник круглого стола, Г.Е. Корнилов, принцип экономической целесообразности, положенный в основу районирования Уральской области, оказался в целом успешным. Он позволил реализовать в условиях нэпа эффективную плано-рыночную модель регионального развития. Эффективность этой модели обеспечивалась тем, что руководящие органы области получили круг прав и полномочий в сфере хозяйственного управления⁵⁸.

Иной взгляд на процессы, проходившие в сельской экономике СССР 1920-х годов, предложил другой участник круглого стола, В.А. Ильных. По его мнению, и в конце 1920-х годов абсолютно преобладающей группой российского крестьянства была беднота. В данную группу сельского населения автор включил дворы без рабочего скота, которые можно отнести к батракам и пауперам, и дворы с одной головой рабочего скота, принадлежащие маломощным крестьянам. Удельный вес данной группы в общем числе крестьянских дворов в 1926 г. составлял почти 87%, т.е. абсолютное большинство⁵⁹. По подсчетам Ильных, доля крестьянских хозяйств без лошади сократилась с 38% в 1922 г. и 32,9% в 1926 г. до 25,2% в 1929 г.⁶⁰ Разве это не показатель улучшения положения в деревне? Тем паче, что доля крестьянских хозяйств с одной лошадей традиционно относилась исследователями к нижнему слою середняцких хозяйств⁶¹.

Статистический справочник «Сельское хозяйство СССР, 1925–1928», на который также ссылается Ильных, к пролетарским элементам деревни в 1927 г. относил 10,4%,

⁵⁵ Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы». С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 9–10, 16.

⁵⁷ Там же. С. 15.

⁵⁸ Там же. С. 14.

⁵⁹ Там же. С. 8.

⁶⁰ Ильных В.А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 130, 133.

⁶¹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 328, 330.

а к полупролетарским – 23,3% крестьян. Основная же масса крестьян отнесена к разряду «мелких производителей» (62,8%)⁶²; 69% из них, непосредственно проживающих на селе, относились к категории середняков⁶³.

Ряд историков негативное отношение части руководства ВКП(б), рядовых коммунистов к нэпу рассматривает как непреодолимое препятствие, обусловленное господствующей марксистской идеологией. Эта часть большевиков понимала, что дальнейшее углубление рыночных реформ вступает в противоречие с политическими представлениями, ожиданиями, доктриной коммунистов, по существу, с идентичностью тогдашнего советского политического класса⁶⁴.

Однако, по точному замечанию Бородинки, успешное развитие экономики в последующие годы постепенно сглаживало подобное влияние. И если бы власть захотела, она могла бы преодолеть подобные настроения⁶⁵. В подтверждение этой мысли замечу, что сторонники сохранения нэпа одержали победу на апрельском и июльском (1928 г.) пленумах ЦК ВКП(б); не проиграли сражение на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г.⁶⁶ Только за счет обмана и аппаратных интриг Сталину удалось одержать победу на Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.⁶⁷

Символично, что отдельная глава книги американского историка А. Эрлиха «Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928» показывает, как под влиянием выдающихся ученых-экономистов изменилось представление части советского руководства о подходах к масштабной промышленной реконструкции; о модернизации народного хозяйства; о сущности и сроках того длительного периода, который считался переходным от капитализма к социализму, а на деле открывал самостоятельную эпоху⁶⁸.

По мнению Эрлиха, научная прозрачность ведущих советских экономистов того времени привнесла в мировую науку проекты долгосрочного планирования, основы математического моделирования в экономике, опыт балансового планирования, использованный при разработке пятилетних планов для увязки его разделов и показателей как в СССР, так и далеко за его пределами. «Поднятые проблемы и получаемые решения предвосхитили работу, выполненную западными экономистами, работавшими в той же области, но на более высоком профессиональном уровне и в рамках других концепций»⁶⁹.

Аналогичные взгляды прослеживаются в книге американского историка экономики СССР Н.М. Ясного, подчеркивающего, что советские ученые-экономисты, верно сформулировав вопросы, смогли найти конструктивные теоретические решения, положенные в основу плана первой пятилетки и предвосхитившие находки западной научной мысли за два последующих десятилетия. В годы нэпа возникли проекты «нормальной экономики», т.е. такого рыночного хозяйства, в котором с учетом специфики России значительную роль играл бы государственный сектор⁷⁰.

Игнорирование законов экономики, пишет германский историк Ш. Мерль, привело к тому, что, как показывает вся последующая история предвоенных пятилеток, командная экономика начала сливаться с «теневой». Более того, командная экономика не могла

⁶² Сельское хозяйство СССР, 1925–1928: сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 24.

⁶³ Там же. Дословно в тексте – «средних и выше средних».

⁶⁴ Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы». С. 13.

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ *Фельдман М.А.* «Третье сражение». Вопрос о путях социально-экономического развития СССР на ноябрьском (1928) Пленуме ЦК ВКП(б) // *Россия и современный мир.* 2019. № 2. С. 159–177.

⁶⁷ *Фельдман М.А.* Конец «романтической эпохи». Дискуссии на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП(б) // *Общественные науки и современность.* 2019. № 3. С. 138–148.

⁶⁸ «Школа Бухарина пересматривает свои взгляды» // *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010. С. 98–118.

⁶⁹ Там же. С. 25.

⁷⁰ *Ясный Н.М.* Указ. соч. С. 28, 717.

существовать без рынка, ведь он выполнял важнейшие социально-экономические функции, не только паразитируя на плановом государственном хозяйстве, но и помогая плановой экономике выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы⁷¹. Как видно, многие элементы нэповской экономики никуда не исчезли, но, приобретя нелегальный статус, порождали причудливое сочетание мифологических «социалистических» отношений и реальной действительности.

Автору этих строк не очень приятно после многих лет изучения периода 1920–1930-х годов признаваться, что наши знания о нэпе приблизительны и схематичны, но это действительно так. Список неисследованных тем, приведенный выше, указывает только на фрагмент айсберга нашего незнания и слабого осмысления советского эксперимента. История изучения нэпа показывает, как легко обмануться и принять летаргический сон за смерть. Но без осмысления своего прошлого трудно рассчитывать на верный выбор дороги в будущее. Кроме того, глубокая социальная и политическая дифференциация общества порождала и порождает идеологизацию политических исследований.

Очевидно, что одного столетия оказалось мало для изучения нэпа – значит у историков все впереди.

Библиография

Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 1920-е годы: опыт регулирования и самоорганизация. М., 1993.

Бокарев Ю.П. Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 121–133.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992.

Гловели Г.Д. История экономических учений. М., 2011.

Голанд Ю.М. Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 112–134.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

Данилов В.П. К вопросу о понимании нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 19–27.

Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. М., 2011.

Демчик Е.В. Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в. Барнаул, 2005.

Дмитриенко В.П. Четыре измерения Нэпа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 27–41.

Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

Жуков Ю.Н. Оборотная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 гг. М., 2014.

Ильиных В.А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 128–134.

Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018.

Клисторин В.И. К столетию Новой экономической политики. Интервью с Г.И. Ханиным // ЭКО. 2021. Т. 51. № 3. С. 83–84.

Клисторин В.И. Институциональные преобразования в период новой экономической политики // ЭКО. 2021. Т. 51. № 4. С. 29–44.

Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 180–184.

Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 4. С. 5–17.

Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–349.

⁷¹ *Мерль Ш.* Указ. соч. С. 314.

Мухин М.Ю. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.

Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М., 1997.

Роголина Н.Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 366–384.

Сенявский А.С. Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 5–25.

Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.

Фельдман М.А. «Третье сражение». Вопрос о путях социально-экономического развития СССР на ноябрьском (1928) Пленуме ЦК ВКП(б) // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 159–177.

Фельдман М.А. Конец «романтической эпохи». Дискуссии на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП(б) // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 138–148.

Фельдман М.А. Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП(б): мифологическое и реальное спустя 90 лет // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 139–163.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные лидеры в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–52.

Черемисин Г.А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 323–365.

Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

References

Bogomolova E.V. Upravlenie sovetskoj ekonomikoj v 1920-e gody: opyt regulirovaniya i samoorganizacii [Management of the Soviet economy in the 1920s: experience of regulation and self-organizations]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Bokarev Yu.P. Nep kak samoorganizuyushchayasya i samorazrushayushchayasya sistema [NEP as a self-organizing and self-destructive system] // NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty [NEP: economic, political and sociocultural aspects]. Moskva, 2006. S. 121–133. (In Russ.)

Cheremisinov G.A. Ispol'zovanie rezervov ekstensivnogo rosta gosudarstvennogo predprinimatel'stva v SSSR (1926/27–1928/29 gg.) [Use of reserves of extensive growth of state entrepreneurship in the USSR (1926/27–1928/29)] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2006 [Economic history. Yearbook. 2006]. Moskva, 2006. S. 323–365. (In Russ.)

Danilov V.P. K voprosu o ponimanii Nepa [On the question of understanding NEP] // NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moskva, 2006. S. 19–27. (In Russ.)

Danilov V.P. Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: social'naya struktura, social'nye otnosheniya [Soviet pre-kolkhoz village: social structure, social relations]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Davis R., Khlevnyuk O.V. Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskogo kursa [The second five-year plan: the mechanism of changing the economic course] // Otechestvennaya istoriya [Domestic History]. 1994. № 3. S. 92–108. (In Russ.)

Demchik E.V. Chastnyj kapital Sibiri v 20-e gg. XX v. [Private capital of Siberia in the 20s of the 20th century]. Barnaul, 2005. (In Russ.)

Dmitrienko V.P. Chetyre izmereniya Nepa [Four dimensions of the NEP] // NEP: priobreteniya i poteri [NEP: Gains and losses]. Moskva, 1994. S. 27–42. (In Russ.)

Feldman M.A. Konec “romanticheskoy epohi”. Diskussii na Aprel'skom (1929) plenumе CK VKP(b) [The end of the “romantic era”. Discussions at the April (1929) plenum of the Central Committee of the CPSU(b)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 2019. № 3. S. 138–148. (In Russ.)

Feldman M.A. “Tret'esrazhenie”. Vopros o putyah social'no-ekonomicheskogo razvitiya SSSR na Noyabr'skom (1928) plenumе CK VKP(b). [“Third battle”. The question of how socio-economic development of the USSR in November (1928) plenum of the Central Committee of the CPSU(b)] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2019. № 2. S. 159–177. (In Russ.)

Feldman M.A. Otlozhennoe osmyslenie. XVI s'ezd VKP(b): mifologicheskoe i real'noespustya 90 let [Delayed comprehension. 16th Congress of the CPSU(b): mythological and real after 90 years] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]. 2020. № 1. S. 139–163. (In Russ.)

- Gloveli G.D.* Istoriya ekonomicheskikh uchenij [History of economic studies]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Goland Yu.M.* Razrushenie nepa: ekonomicheskie, ideologicheskie i politicheskie predposylki [Destruction of the NEP: economic, ideological and political prerequisites] // Istoriya stalinizma: itogi i problem izucheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 5-7 dekabria 2008 g. [The history of Stalinism: results and problems of study. Materials of the International scientific conference. Moscow, December 5-7, 2008]. Moskva, 2011. S. 112-134. (In Russ.)
- Ilyinykh V.A.* Social'naya mobil'nost' rossijskogo krest'yanstva v konce 1910-h – 1920-e gg.: kriterii, tendencii, factory [Social mobility of the Russian peasantry in the late 1910s – 1920s: criteria, trends, factors] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2018. № 4. S. 128-134. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V.* Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V.* Nomenklaturная revolyuciya: regional'nye lidery v SSSR v 1936–1939 gg. [Nomenclature Revolution: Regional Leaders in the USSR in 1936–1939] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2018. № 5. S. 36-52. (In Russ.)
- Kilin A.P.* Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i social'nye aspekty [Private trade and credit in the Urals during the NEP years: economic, political and social aspects]. Yekaterinburg, 2018. (In Russ.)
- Klistorin V.I.* Institucional'nye preobrazovaniya v period novoj ekonomicheskoy politiki [Institutional transformations in the period of new economic policy] // ECO. 2021. T. 51. № 4. S. 29-44. (In Russ.)
- Klistorin V.I.* K stoletiyu Novoj ekonomicheskoy politiki. Interv'yu s G.I. Haninym [To the centenary of the New Economic Policy. Interview with G.I. Khanin] // ECO. 2021. T. 51. № 3. S. 83-84. (In Russ.)
- Kondrashin V.V.* Otklik na stat'yu M.Yu. Muhina "Sto let izucheniya nepa. Vremya podvodit' itogi?" [Response to the article by M.Yu. Mukhin "One hundred years of studying NEP. Time to sum up?"] // Krest'yanovedenie [Peasant Studies]. 2021. Vol. 6. № 1. S. 180-184. (In Russ.)
- Kruglyj stol "Nep – itogi i perspektivy"* [Round table of "NEP – results and prospects"] // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2021. Vol. 28. № 4. S. 5-17. (In Russ.)
- Lebina N.B.* Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to grand style]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Merle Sh.* Sovetskaya ekonomika: sovremennye ocenki [The Soviet economy: modern assessments] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Economic history. Annual]. 2016–2017. Moskva, 2017. S. 303-349. (In Russ.)
- Mukhin M.Yu.* Vremya podvodit' itogi? [Time to sum up?] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2020. № 5. S. 3-14. (In Russ.)
- Osokina E.A.* Ierarhiya potrebleniya. O zhizni lyudej v usloviyah stalinskogo snabzheniya. 1928–1935 gg. [Hierarchy of consumption. About the life of people in the conditions of Stalin's supply. 1928–1935]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Osokina E.A.* Za fasadom "stalinskogo izobil'ya": raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii: 1927–1941 [Behind the facade of "Stalin's abundance": distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization: 1927–1941]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Rogalina N.L.* Industrializaciya v ramkah nepa i perspektivy sovetskoj modernizacii [Industrialization within the framework of the NEP and the prospects of Soviet modernization] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Economic history. Yearbook]. Moskva, 2006. S. 366-384. (In Russ.)
- Senyavsky A.S.* Novaya ekonomicheskaya politika: sovremennye podhody i perspektivy izucheniya [New economic policy: modern approaches and perspectives of study] // NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moskva, 2006. S. 5-25. (In Russ.)
- Suvorova L.N.* Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdru gosudarstvom i rynkom [NEP'S Multicultural economy: Between the state and the market]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Vert N.* Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet state. 1900–1991]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Yasny N.* Sovetskie ekonomisty 1920-h godov. Dolg pamyati [Soviet economists of the 1920s. The debt of memory]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Zhukov Yu.N.* Oborotnaya storona NEPa. Ekonomika i politicheskaya bor'ba v SSSR. 1923–1925 gg. [The reverse side of the NEP. Economics and Political Struggle in the USSR. 1923–1925]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Davies R.W.* Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.